

Е. С. Рябина, Основные цветообозначения в пермских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии, Тарту 2011. 254 с.

7 ноября 2011 года на заседании диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора философии в Тартуском университете состоялась защита диссертации Елены Семеновны Рябиной «Основные цветообозначения в пермских языках». Официальным оппонентом выступил доктор филологических наук А. Н. Ракин (Сыктывкар). Работа выполнена на кафедре финно-угорского языкознания Института эстонского и общего языкознания Тартуского университета под руководством профессора Урмаса Сутропа.

Совокупность слов и словосочетаний любого естественного языка, предназначенных для выражения цветоощущений человека, называют обычно системой названий-цветообозначений. Особенность данной системы заключается не только в лингвистическом содержании, но и в том, что объект номинации является феноменом психо-физическим — в природе суще-

ствуют только световые волны, а цвет есть порождение глаза и мозга. В соответствии с денотативными признаками в составе цветовой номенклатуры различаются основные и неосновные названия. Установлено, что набор первых для разных языков различен, так как не все основные цвета имеют специальные обозначения. Количество основных обозначений варьирует в пределах 12 единиц. Как правило, входящие в данную группу названия принадлежат исконному фонду словарного состава. К неосновным относятся оттеночные названия, обозначающие денотативный признак по яркости и насыщенности цвета. В количественном отношении эта группа названий обычно значительно превосходит первую.

Работа Е. С. Рябиной представляет собой исследование основных цветообозначений в двух современных пермских языках — удмуртском и коми-зырянском.

Следует отметить, что это не первый опыт в данной области. В 90-е годы прошлого столетия тема цветообозначений рассматривалась в пяти лингвистических работах. Три из них посвящены удмуртскому языку. В 1988 г. в Хельсинки в материалах международной студенческой конференции вышла статья Жужанны Шаланки на финском языке «Названия цветов в удмуртском языке». К 1996 г. она подготовила диссертацию на венгерском языке «Удмуртские названия цветов». В 1990 г. в Ижевске в сборнике «Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка» И. В. Тараканов опубликовал статью «Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками». В материалах XVIII Всесоюзной конференции (1978) опубликованы тезисы А. Н. Ракина «Лексика цветообозначения в пермских языках». Текст доклада издан в 1990 г. в Тартуском университете. И в тезисах, и в статье лексика цветообозначения трех родственных языков рассматривается как единая система.

Фактический материал, легший в основу работы, собран автором в полевых условиях: удмуртские обозначения выявлялись в 2007—2008 гг. в Удмуртии и в местах проживания удмуртов в Татарстане, Башкортостане, Пермском крае. В результате опроса 125 удмуртских информантов зафиксировано 10 037 цветообозначений. Сбор коми-зырянских материалов осуществлялся в 2008—2009 гг. в Корткеросском, Койгородском, Сысольском, Усть-Куломском, Усть-Вымском и Ижемском районах Республики Коми, а также у двух докторантов Тартуского университета. В ходе экспериментов по коми языку было получено 3733 цветообозначения.

В работе ставятся следующие цели: 1. Установление основных цветообозначений в удмуртском и коми-зырянском языках; 2. Сравнение фокусов основных цветообозначений в удмуртском, коми-зырянском и русском; 3. Сравнение словарного запаса цветообозначений у удмуртов в гендерном и возрастном аспектах.

Структура работы соответствует основным целям и задачам. Она состоит из введения и девяти глав. Кроме того, имеются резюме на эстонском языке и 12 приложений.

В кратком введении (всего полторы страницы) сообщается, что автор придерживается теории цветовой универсалий, разработанной американскими учеными Брентом Берлином и Паулем Кеем. Перечисляются отечественные ученые (А. Н. Ракин, И. В. Тараканов), которые предприняли попытки разработки данной темы, и зарубежная исследовательница (Ж. Шаланки). Утверждается, что изучение лексики цветообозначения удмуртского и коми-зырянского языков представляет особый интерес, поскольку в цветовой системе обоих языков обнаруживаются своеобразные черты, к которым автор относит существование в удмуртском языке двух терминов для синей зоны спектра (*лыз* 'синий', *чагыр* 'голубой'), а в коми-зырянском языке — недифференцированность значений слов *веж*, *виж* 'зеленый, желтый'.

Первая глава «Пермские языки» (с. 4—14) состоит из небольшой вступительной части и четырех разделов: характеристика удмуртского (1.1) и коми-зырянского (1.2) языков, происхождение лексики пермских языков (1.3), история изучения цветообозначений в пермских языках (1.4). Наибольшую ценность представляет последний раздел, так его содержание имеет непосредственное отношение к предмету исследования. Как правило, информация об истории изучения вопроса дается в предисловии или во введении. Более уместным было бы поступить таким же образом и автору данной работы. На с. 13 читаем: «... у коми народа под русским влиянием возникла необходимость делать различие между желтым и зеленым». Исходя из данного утверждения, можно подумать, что до того, как коми-зыряне оказались под влиянием русского языка, они не могли различать желтый цвет от зеленого. Это, конечно, не соответствует действительности. Правильно говорить о наличии или отсутствии в словарном составе

ве специальных обозначений для этих двух цветов и о возможном воздействии на их появление русского языка.

Вторая глава «Теория основных цветообозначений» (с. 14—29) состоит из пяти разделов. Она посвящена теоретическим вопросам исследуемой темы. основоположниками теории основных цветообозначений являются американские ученые Brent Berlin и Пауль Кей, которым удалось установить минимальное и максимальное количество основных цветообозначений. К языкам полного набора основных цветообозначений относится русский, в нем 12 основных названий. Пополнение и совершенствование цветовой номенклатуры любого языка происходит в соответствии с определенными стадиями развития. Всего существует семь стадий. Особо следует отметить разработку критериев выделения основных цветообозначений — четырех основных и четырех дополнительных. Эти критерии позволяют определить состав и количество основных наименований цветов в любом языке.

Третья глава «Методы исследования» (с. 29—35) содержит в основном сведения технологического порядка. В первом разделе описываются методы выявления основных цветообозначений, разработанные предшественниками автора. Суть их заключается в проведении эксперимента в два этапа: перечисление информантами наименований цветов и называние цветообразцов. Далее излагается процедура применения этих методов в работе. Во втором разделе охарактеризованы информанты. Приводятся сведения о половой принадлежности, возрасте, месте проживания, степени владения родным и русским языками и т. д. Всего в опросе было задействовано 125 удмуртов и 51 коми-зырянин. Почему количество опрашиваемых так несоизмеримо по языкам, в работе не указывается. Кроме того, этот раздел больше подходит для введения.

В четвертой (с. 35—58) и пятой (с. 58—69) главах подробно изложены результаты проведенных экспериментов. Как подчеркивает автор, обследование

проводилось с учетом диалектных различий. Отдельно анализируется материал, относящийся к трем локальным вариантам удмуртского языка: южному, северному, закамскому. Коми-зырянский язык представлен присыктывкарским, верхневьегодским, среднесыольским и верхнесыольским диалектами. По утверждению автора, общими для всех удмуртских диалектов являются семь основных цветообозначений: *горд* 'красный', *вож* 'зеленый', *лыз* 'синий', *чуж* 'желтый', *сьод* 'черный', *тодьы* 'белый', *пурьсь* 'серый'. В северном наречии удмуртского языка восемь основных цветообозначений, название *чагыр* 'голубой' отсутствует в других ареалах. В центрально-южном диалекте количество основных цветообозначений десять, дополнительные названия — *курень* 'коричневый', *лемлет* 'розовый', *нап-Чуж* 'оранжевый'. По мнению автора, для получения более объективной картины необходимо изучить цветовую номенклатуру в периферийно-южном диалекте по каждому говору и повторно провести эксперимент по северному наречию. В коми языке, установлено семь основных цветообозначений: *гörd* 'красный', *лöz* 'синий', *сьод* 'черный', *еджыд* 'белый', *турунвиж* 'зеленый', *кольквиж* 'желтый', *руд* 'серый'. Для обозначения оранжевого, розового и фиолетового основные термины отсутствуют.

В шестой главе «Различия спектральной соотношенности фокусов основных цветообозначений в удмуртском, коми и русском» (с. 69—82) сравнение именно этих языков автор объясняет многовековыми ареальными контактами между ними, а также тем обстоятельством, что основная масса коми и удмуртов двуязычны и владеют не только родным языком, но и русским. Основные термины, которыми оперирует исследовательница — фокус основных цветообозначений, фокальная точка, прототип или лучший образец. Как разъясняется в тексте, фокальные точки — это области цветового спектра, наиболее соответствующие основным цветообозначениям в каждом языке. Е. С. Рябина опирается на

принципы сравнения фокусов основных цветообозначений, разработанные Марии Уускюла путем сопоставительного исследования финно-угорских (эстонского, венгерского, финского) и индоевропейских (английского, русского) языков.

Основная цель автора в данной главе — выяснение, имеются ли в дистрибуции основных цветообозначений совпадения между родственными языками и возможны ли сходства между неродственными языками. Вывод: расположение фокусов основных цветов в спектре своеобразно в каждом языке. Кроме того, в пределах одного языка в фокусах отдельных цветковых категорий могут быть междиалектные различия.

Основную часть седьмой главы «История цветообозначения пермских языков» (с. 82—96) предваряет раздел о принципах реконструкции системы цветообозначений, где излагаются общие положения по данной проблеме, в том числе опыт диахронической реконструкции терминов эстонского языка. Указывается, что классификация цветообозначений проводится с учетом этимологий, представленных в этимологических словарях пермских и уральских языков, а также в соответствующих публикациях И. В. Тараканова и А. Н. Ракина.

В процессе развития лексики цветообозначения пермских языков автор выделяет два этапа: ранний и поздний.

Ранний этап соответствует допермскому и общепермскому периодам. К нему отнесено происхождение обозначений 1) белого, 2) черного, 3) красного, 4) желтого и зеленого, 5) синего цветов. Поздний этап соответствует периоду самостоятельного существования пермских языков. К нему отнесены цветообозначения 1) желтого и зеленого цветов в коми-зырянском языке, 2) коричневого, 3) розового, 4) серого, 5) оранжевого, 6) фиолетового, 7) голубого цветов в удмуртском языке.

В завершающем разделе этой главы предпринята попытка объяснить причины различий в цветовой номенклатуре пермских языков на современном этапе. Как утверждается в работе, в южном диалекте удмурт-

ского языка, находящегося на последней, седьмой, стадии развития, наличие наиболее полный набор основных цветообозначений — десять названий. Цветовая лексика коми языка (семь обозначений) находится на пятой стадии развития. Согласно автору, такое явление легко объяснимо и соответствует общим закономерностям формирования и развития системы цветообозначений, в соответствии с которыми количество основных терминов находится в прямой зависимости от уровня цивилизованности общества, а также от языковых и культурных контактов с соседними народами. У народов, которые живут изолированно, цветовая терминология находится на более низких стадиях развития.

В восьмой главе рассматриваются (с. 96—111) способы образования несобственных цветообозначений. В пермских языках основных способов образования производных цветообозначений два — морфологический и названия какого-либо предмета. К морфологическому способу относятся суффиксация и словосложение.

Среди суффиксов выделяются в удмуртском языке *-алэс*, *-мыт*, *-пыр*, в коми зырянском языке — *-ов*, *-оват*. Как правило, названия данной структуры обозначают цвет по признаку насыщенности: *лызалэс* 'синеватый', *гордыт* 'красноватый', *вожпыр* 'зеленоватый', *рудов* 'сероватый', *вижоват* 'желтоватый'. Словосложение используется для образования названий, выражающих смешанные оттенки и светлые/темные тона. Смешанные оттенки цвета передаются путем сочетания двух цветообозначений: удм. *лыз-вож* 'синий-зеленый', комиЗ *гӧрдвиж* 'красный-желтый'. Приводятся примеры, свидетельствующие, что словосложение может сопровождаться суффиксацией: удм. *вожалэс-курень* 'зеленоватокоричневый', комиЗ *лӧзоввиж* 'синеватозеленый'. Для выражения светлого/темного тона используются препозитивные компоненты: удм. *югыт*, комиЗ *югыд* 'светлый', удм. *пеймыт*, комиЗ *пемьд* 'темный' и некоторые прилагательные (удм. *югыт-вож* 'светлозеленый', *пеймыт-лыз* 'темноси-

ний'). Как пишет автор, с целью выражения высокой степени проявления светлого или темного тона препозитивы удваиваются (удм. *юг-юг-лемлет* 'светло-пресветло-розовый', *пеймыт-пеймыт-вож* 'темно-претемно-зеленый').

Названия, выражающие интенсивность цветового тона, образуются тремя способами: использование препозитивов, редупликация цветообозначения или препозитива, употребление синтаксических конструкций.

Относительно образования оттеночных обозначений путем использования названий тех или иных предметов утверждается, что такие наименования не всегда имеют форму прилагательного, т. е. в таком качестве употребляются без какой-либо трансформации, например, удм. *йёл* 'молочный (цвет)' (< *йёл* 'молоко'), комиЗ *мырпом* 'морозшковый (цвет)' (< *мырпом* 'морозка'). Употребление подобного рода коми-зырянских слов в функции цветообозначений в словарях не зафиксировано, в своей исследовательской практике мы тоже не наблюдали, поэтому их существование в таком качестве вызывает большие сомнения. Возможно, они являются окказионализмами или же ошибками в речи людей, плохо владеющих коми языком. Что касается названий типа комиЗ *льём рёма* 'цвета черемухи', *пёжём йёв рёма* 'цвета пареного молока', в составе которых присутствует компонент *рёма* по нормам коми языка обязательно, такого рода сочетания довольно употребительны. Наличие большого количества слов данной категории, используемых в качестве цветообозначений, дало возможность распределить их по тематическим группам. Автор выделяет семь групп, например, неживая природа, флора, фауна, продукты питания и т. д. Не логичным представляется причисление анатомического названия кровь к группе фауны и выделение в отдельную группу относящихся к группе флора названий плодов, ягод, овощей.

Данная глава полностью посвящена неосновным обозначениям цветов и поэтому не соответствует названию работы.

Девятая глава «Словарный запас цветообозначений у удмуртов: гендерные и возрастные особенности» посвящена удмуртским цветообозначениям. Автор пытается связать уровень знаний в области цветовой терминологии с социальной ролью мужчин и женщин в обществе и их возрастными особенностями. Она приходит к выводу, что профессия незначительно влияет на знание цветовых терминов у женщин. Что касается мужчин, то здесь исключение составляют специалисты с филологическим или художественным образованием, которые обладают высоким уровнем информации в данной области знаний. Женщины старшего поколения по сравнению с представителями других возрастов также знают больше цветообозначений. Самый скудный словарный запас удалось выявить у молодого поколения женщин, что, по мнению автора, свидетельствует не только об их неосведомленности в этой сфере лексики, но и о недостаточном уровне владения родным языком.

Большую ценность представляет приложение к работе в виде 12 таблиц. Девять из них относятся к удмуртскому языку, три — к коми-зырянскому. Почему-то наименования некоторых таблиц (4 и 9, 5 и 10, 6 и 11, 8 и 12) полностью совпадают, хотя по объему они различаются.

Объемная работа Е. С. Рябиной в целом производит хорошее впечатление. Она выполнена на высоком научном уровне. В качестве положительного момента надо отметить также то, что по теме работы издана одноименная монография (262 с.), опубликованы статьи. По результатам исследования сделано несколько докладов на конференциях различного уровня.

АНАТОЛИЙ РАКИН (Сыктывкар)

Address

Anatolij Rakin
Institute of Language, Literature and
History of the Komi Research Centre
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru